

Примечания

- 1 Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 521 (прим. к с. 119); См. также: *Корелин А.П., Степанов С.А.* С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 145–146.
- 2 Баян. Ложь Витте. Ящик Пандоры. Берлин, б.г. С. 17.
- 3 См.: Записки А.С. Ермолова // Красный архив. 1925. № 1(8). С. 49–69.
- 4 *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современников. М., 2000. С. 436.
- 5 *Корелин А.П., Степанов С.А.* Указ. соч. С. 147.
- 6 Там же. С. 146.
- 7 Там же.
- 8 *Гурко В.И.* Что есть и чего нет в Воспоминаниях графа Витте // Русская летопись. Париж, 1922. № 2. С. 108.
- 9 Баян. Ложь Витте. С. 31.
- 10 *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте. СПб., 1999. С. 341.
- 11 Воспоминания министра народного просвещения И.И. Толстого. М., 1997. С. 179.
- 12 *Маклаков В.А.* Первая революция // Современные записки. Париж, 1934. С. 330.
- 13 Революция 1905 года и самодержавие. Л., 1928. С. 34–37.
- 14 Там же. С. 34.
- 15 Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 555. (прим. к с. 468).
- 16 Там же.
- 17 Там же. Т. 1. Кн. 2. С. 854–855.
- 18 С.Ю. Витте в своей лжи был изобличен документально и неоднократно. Так, современные исследователи прямо

- указывают: «в архиве Витте был и другого рода документ, на который Витте предпочел в мемуарах не ссылаться. Это была копия письма к Дурново самого Гапона, в котором Гапон писал о своих связях с Витте как о чем-то совершенно несомненном. К тому же Витте не мог не знать и о всеподданнейшей записке Дурново, к которой было приложено несколько документов, совершенно изобличивших премьер-министра в попытке возрождения гапоновщины» (*Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 350).
- 19 Вероятно, Гапон получал денежное вознаграждение и от Зубатова за сведения о рабочем движении, и одновременно от МВД за информацию о деятельности самого жандармского полковника.
- 20 *Лаверычев В.Я.* Царизм и рабочий вопрос в России. М., 1972. С. 168–170.
- 21 См.: *Ушаков М.А.* Воспоминания о беседе с великим князем // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 413 – 417.
- 22 *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 466.
- 23 См. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 347–349; см. также: *Кавторин В.В.* Первый шаг к катастрофе: 9 января 1905 года. Л., 1992. С. 408–409.
- 24 *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 349.
- 25 Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. Д. 2231. Л. 18.
- 26 Там же. Л. 19, 20.
- 27 Там же. Л. 19.
- 28 Там же. Л. 22.
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 Там же. Л. 23.
- 32 См.: Красное знамя. Париж, 1906. №5.
- 33 ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2231. Л. 24.
- 34 Там же.
- 35 Там же. Л. 25.

УДК 141(470–89)«1850/1880»

П.В. АННЕНКОВ И РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ (вторая половина 50-х – начало 80-х годов XIX века)

В.А. Китаев

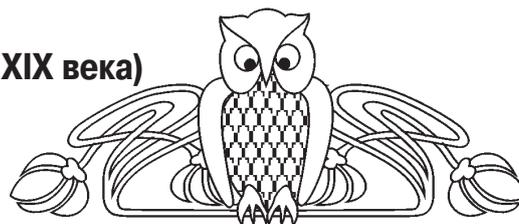
Нижегородский государственный университет,
кафедра методологии истории и исторической информации
E-mail: Vlakit@mail.ru

Анализируя письма П.В. Анненкова к И.С. Тургеневу, автор устанавливает его принадлежность к кругу русских либералов эпохи Великих реформ, выявляет некоторые особенности и моменты эволюции общественно-политических взглядов этого крупного литературного деятеля.

P.V. Annenkov and Russian Liberalism (the Second Half of the 1850-s – the Beginning of the 1880-s.)

V.A. Kitaev

Analyzing the letters of P.V. Annenkov to I.S. Turgenev, the author determines his belonging to the circle of Russian liberals of the epoch of

the Great reforms, reveals some peculiarities and moments of evolution of the social and political views of this prominent literary figure.

Сравнительно недавно опубликованные письма П.В. Анненкова к И.С. Тургеневу¹ не использовались in cogroge как источник для характеристики особенностей либерализма их автора, определения его места в либеральном движении. Между тем этот эпистолярный массив весьма информативен с точки зрения такой исследовательской задачи. Состоявшись как литературный критик и мемуарист, Анненков лишь отчасти реализовал себя в качестве публициста, да и то на европейском (преимущественно французском) материале 40-х гг. XIX в. Возьмем на себя

смелость утверждать, что собственно российская публицистика Анненкова как раз и присутствует латентно в его письмах Тургеневу. Именно они стали местом откровенных и ярких высказываний их автора по самым злободневным проблемам идейной и общественно-политической жизни России 50-х – начала 80-х гг.

Не скроем, попытка решения только что сформулированной задачи имеет вполне определенную полемическую направленность. Один из публикаторов переписки, Н.Н. Мостовская, в сущности, отказалась от определения идейной позиции П.В. Анненкова. «И Анненков, и Тургенев, – утверждает она, – больше всего дорожили свободой, не примыкая ни к каким «партиям», и не разделяли никаких догм»². Это заявление нуждается в серьезной корректировке.

Анненковский эпистолярный чрезвычайно богат по части зафиксированных в нем признаков оживления, которое переживала русская журналистика в середине 50-х гг. Корреспондент Тургенева без колебаний определился в своих журнальных симпатиях. Он – «энтузиаст» либерального «Русского вестника». Его привлекает «разумно западный цвет» этого издания. Правда, катковский журнал, по его словам, «немножко оступися, показав как будто наклонность к теории централизации», однако он видит уже признаки того, что «Русский вестник» «хочет стряхнуть этот оттенок» (I, 58–59). Совершенно очевидно, что Анненков тяготел к той группе либералов, которая не была склонна, подобно Б.Н. Чичерину и его немногочисленным сторонникам, опираться в предстоящих реформах преимущественно на административный ресурс. Чрезмерное «государственничество» Чичерина казалось Анненкову «слабой стороной» его позиции.

В либерально-западническом «Русском вестнике» второй половины 50-х гг. звучали и вполне определенные консервативные мотивы. Наиболее выразительна в этом отношении популяризация в журнале идей теоретика немецкого народоведения Вильгельма Риля. Анненков также не остался вне интереса к работам этого ученого. Рекомендуя Тургеневу в 1859 г. прочитать рилевскую «Land und Leute», он с явной симпатией к устремлениям автора характеризовал эту книгу как «написанную о России». Ему была близка «основная мысль» этого труда, заключавшаяся в призыве изучать народные стремления («консервативные начала»), чтобы не допустить «постройку общества на кабинетных соображениях», чем грешил либерализм. Пассаж, посвященный Рилею, заканчивался афористически: «Порядочному человеку стыдно в наше время называться либералом!» (I, 71).

Эту парадоксальную концовку нельзя, конечно, воспринимать как манифестацию разрыва с либерализмом. Но суть сказанного по поводу Риля заставляет отказаться от упрощенного взгляда на Анненкова как на поверхностного и безоглядного либерала-западника. В славянофильском кругу,

как известно, также высоко ценили консервативный пафос, отличавший работы Риля. Иван Аксаков, к примеру, называл Риля «немецким Константином Сергеевичем», имея в виду поразившее его сходство взглядов автора «Страны и людей» и своего старшего брата. Признание правоты Риля, однако, нисколько не сдвигало Анненкова в сторону славянофилов. Он весьма критически отзывался о направлении славянофильской «Русской беседы», которая, по его словам, вместо того, чтобы предложить «публике» «дело», творит «мираж», воспринимаемый только в «высшем обществе» (I, 57).

О критически-умеренном характере западничества Анненкова свидетельствует и его негативное отношение к англomanии катковского «Русского вестника» конца 50–начала 60-х гг. Он определял ее не иначе как «истерическую» (I, 85).

Анненков всецело вверял судьбу крестьянской реформы Редакционным комиссиям, не сомневаясь, что здесь собраны «все лучшие головы России, весь ум ее». Правда, однажды он попенял этому учреждению, что и оно не «избегло современного русского либерализма». Под либерализмом в данном случае подразумевались всего лишь излишки совещательности с представителями заинтересованных сословий. Подобный демократизм вовсе не должен был быть, по его мнению, обязательным атрибутом работы этого органа. Что же касается существа программы Комиссий, то Анненков оппонировал ей по нескольким пунктам. Опрометчивым, с его точки зрения, был допущенный ими компромисс: оставить за крестьянами существующий надел, положив за него «крайне низкую повинность», и вместе с тем сохранить барщину на два года. Это порождало «единодушный протест всего либерального и нелиберального класса землевладельцев», в то время как следовало, считал он, «развести» раздраженных противников» (I, 74). Был и еще один момент расхождений Анненкова с Редакционными комиссиями: он высказывался за обязательный выкуп, в то время как там возобладала идея добровольного соглашения крестьян с помещиками. Но только что отмеченные несогласия нисколько не умаляли либеральности позиции, которую занимал Анненков в крестьянском вопросе.

Бывая в родном Симбирске, Анненков имел возможность судить о состоянии умов провинциального дворянства, поставленного перед неизбежностью скорой крестьянской эмансипации. «Во глубине России» тоже пошли разговоры на либеральные темы. Но зрелище начавшего проклевываться низового либерализма поражало Анненкова своей «гнусностью». «Около меня, скрежеща зубами и дрожа от злости, – читаем в одном из писем 1859 г., – изливаются потоки либерализма, сквозь которые видится грязнейшее дно души. <...> Доходит до того, что как только незнакомый человек начинает свободно

изъясняться – сейчас в голову приходит слово: мошенник» (I, 71). Столица в этом смысле мало чем уступала провинции. Петербургские впечатления были ничуть не утешительнее: «Министр Муравьев с выражением глубочайшего уважения к Редакционной комиссии докладывает, что она имела затаенную мысль потрясти династию, и люди с масляными глазами от энтузиазма говорят о реформах, прибавляя, что они суть порождение злонамереннейших голов, которых они очень любят и потому желали бы видеть их на колу» (I, 96).

Брезгливо отстраняясь от этого приказного, а потому фальшивого, конъюнктурного извода российского либерализма, Анненков без особого труда находил причину аномалии. Она крылась «в таком отсутствии всякой нравственной связи в обществе», какового не было «нигде в мире». На пути к истинному, в понимании Анненкова, либерализму в России имелась еще одна преграда – избыток «либерального скептицизма», который выражался в недоверии к любому правильному построению. Последнее предполагало наличие «фасада, умного распределения частей, оконченности и претензии на разрешение своей задачи». Но русская мысль обнаруживала беспрестанную текучесть, причиной которой могло стать «пресыщение от прежде бывших *великолепий*». Главной же здесь была, конечно, «боязнь определиться», выразить себя окончательно, возыметь постоянную нравственную физиономию» (I, 87). Свойство это объяснялось исторической «молодостью».

Анненков вообще не находил в современном русском обществе «ни одной системы, ни одного убеждения и ни одного человека в настоящем смысле этого слова» (I, 101). Иногда ему казалось, что для России «лучшим порядком может быть только хаос, потому что «все порядки, имевшие претензии быть таковыми, неизбежно делаются на этой почве преотвратительными явлениями» (I, 86). В эти минуты крайнего пессимизма оставалось апеллировать «только к силе, равной пару и пороху» – «логической необходимости вещей» (I, 66).

Объявление Манифеста и Положений 19 февраля Анненков расценивал как важнейший рубеж в истории России, видя в этом событии настоящую «русскую революцию». Однако безоглядной эйфории в его настроении не было. Привести к масштабному социальному потрясению неизбежные тяжбы между помещиками и крестьянами не могли, но существовала, считал он, реальная опасность возникновения «бесчисленного количества маленьких, частных, местных революций, какими всегда изобилвала наша земля». В них-то и могла быть утеряна «основная мысль» преобразования. Анненкову приходилось задумываться над дальними экономическими последствиями крестьянского освобождения. У него не вызывала восторга перспектива установления «зависимости от земляного капитала» (I, 104–105).

Сравнение судебной реформы со «стопушечным кораблем», сошедшим на воду под «громкое ура по всей России», говорит само за себя. «Основаниями» земского самоуправления Анненков был также удовлетворен, находя их «весьма широкими». Особого разговора заслуживает, конечно, отношение Анненкова к преобразованию цензуры. Он тонко подмечал новые черты в поведении русской журналистики после введения Временных правил о печати 1865 г. Самым примечательным, пожалуй, был, по его наблюдению, тот факт, что пресса, так долго мечтавшая о свободе, оказалась вдруг не готовой к этой свободе. «Дело в том, – писал Анненков в самом конце 1865 г., – что вдруг потребовалась новая, небывалая обязанность от публициста и писателя – размышлять о своих словах и думать о всех последствиях этих слов. Кто же когда думал об этом и как к этому приучаться со свободой, которая, по мнению самого образованного русского человека и самого пьяного русского мужика, в том и заключается, чтоб ни о чем не думать» (I, 180).

Русские либералы были вынуждены реагировать на все более и более заметные проявления радикализма в обществе после 19 февраля 1861 г. Первым значительным его выбросом стали студенческие волнения осени того же года в Московском, Петербургском и Казанском университетах. В анненковской оценке бурления студенческой молодежи нет никаких признаков готовности хоть к какому-то оправданию этого явления. В его рассказе об охранительной инициативе Б.Н. Чичерина, призвавшего студентов «следовать в эту минуту указаниям прогрессивной нашей администрации», нет никаких следов иронии (I, 114). В словах «безобразнейшее явление петербургского искания популярности во что бы то ни стало» нетрудно прочесть осуждение позиции, занятой К.Д. Кавелиным, Н.И. Костомаровым, М.М. Стасюлевицем и др.

Весна и лето 1862 г. не принесли успокоения умов в России. Появились признаки радикализации в либеральном движении («тверская оппозиция»), поднял голову дворянский конституционализм. Наконец, петербургские пожары в мае, совпавшие с распространением ультрареволюционной прокламации «Молодая Россия», не на шутку напугали правительство и умеренные круги русского общества. В это время Анненков был в числе «темных и тайных приверженцев» власти, не терял веры в ее «необъятную» силу и очень желал, чтобы она сохраняла «спокойствие и хладнокровие». Выступление тверских мирных посредников Анненков назвал «странный попыткой». Препарируя этот факт либерального движения, он выделял в нем элементы «дворянской оппозиции, анархической замашки и прогрессивного соревнования». Оказавшись «весьма мало серьезной», тверская история, по его мнению, продемонстрировала к тому же опасность главенства принципа «личного усмотрения»,

за которым стояло враждебное правительству дворянское своеволие. Столь же решительно Анненков отстранялся и от «конституционной сыви». Дворянский конституционализм для него, как и для большей части русских либералов первой половины 60-х гг., оказывался чужим, даже враждебным по причине того, что он возбуждал «негодование и подозрительность средних и низших классов общества».

Но не только эти, не вызывавшие у него симпатии проявления дворянско-оппозиционной активности фиксировал Анненков в письмах к Тургеневу. Ему было видно и другое – то, что он называл «тенденциями либерального консерватизма». Если их «независимый» вариант (например, хорошо известная позиция Чичерина) принимался, не вызывая отторжения, то либеральный консерватизм, «получающий субсидии», выглядел в его глазах несостоятельным с моральной стороны. Это оплаченное охранительство наиболее ярко воплощал «Голос» А.А. Краевского.

Анненков, как практически все русские либералы, не избежал «горячки патриотизма» в связи с польским восстанием 1863 г. Но и в этом случае для него было важным соблюдение чувства меры, «осторожности», как он говорил, «даже в благородном увлечении». Этим объясняется неприятие в конечном счете позиции «Московских ведомостей» Каткова, которые, по словам Анненкова, «слишком заигрались в патриотизм» (I, 165).

Письма Анненкова за период с марта 1866 г. по октябрь 1871 г. утрачены. Этот факт имеет символический смысл для нашей темы. Вторая половина 60-х гг. стала временем угасания как правительственного реформизма, так и общественного движения. «Эпоха важных явлений кончилась», – констатировал Анненков в 1871 г. «Полная тишина и апатия» характеризовали, на его взгляд, состояние русского общества (I, 197–198).

Но уже начали заявлять о себе те процессы, которые в совокупности своей определили лицо 70-х годов. Все определеннее проступала реакционно-охранительная линия в правительственной политике. Социалистический радикализм подспудно наращивал свои силы, чтобы заявить о себе сначала «хождением в народ», а затем организацией подполья и террористическими акциями. На рубеже 60–70-х гг. поменялась конфигурация той части русской журналистики, которая представляла интересы освободительного движения: «Вестник Европы» становился литературным лидером русского либерализма, «Отечественные записки» заняли нишу, оставленную «Современником». Не за горами были уже признаки активизации земского либерализма. Россия начала свое движение к очередному кризису, кульминацией которого стало убийство Александра II. Эту новую современность должен был, говоря словами Л.Н. Толстого, «ловить» Анненков, «боясь отстать от нее».

Письма Анненкова засвидетельствовали один очень важный факт его политического развития в 70-е гг. От лояльности правительству, в которой он не раз признавался на рубеже 50–60-х гг., ничего не осталось. И чем ближе подходила Россия к концу этого десятилетия, тем выше становился градус анненковской критики внутривластного курса, точнее – его все более явственного репрессивного уклона. Его отталкивала такая «блестящая сторона русской жизни», как «постоянная война администрации с молодежью». Он не мог смириться с бесконечными «цензурными безобразиями». Война 1877–1878 гг., серьезные финансовые трудности, гремучая смесь радикально-либеральной вражды к власти, дополненная прославянским патриотизмом («не отличишь, кто бунтует и кто патриотствует»), – все это вело, по мнению Анненкова, страну к «пожару». «Смены, замены, перетасовки и потасовки» в высших эшелонах власти уже ничего не могли дать, потому что «безобидная фраза – довершение реформ», которая все чаще и чаще слышалась в общественном говоре, приобретала конкретный, конституционный смысл. Оставалась одна развязка – «коренная административная реформа». Такой исход не пугал Анненкова. Даже ликвидация III Отделения в 1880 г., явившаяся важной уступкой власти обществу, не расположила Анненкова к правительству (II, 121).

Состояние той части русского общества, которая к концу 70-х гг. оказалась зажатой между правительством и «тупейшим русским радикализмом» с его «кинжалщиками» и «заговорщиками», было, по оценкам Анненкова, просто жалким. Он сетовал: «печати нет, кафедры нет, совещания, собрания, словом, клуба нет, так какими же средствами действовать, чтобы показать разницу в направлениях?» (II, 103). Анненкову казалось, что наступила как раз та эпоха, когда руководящая мысль вынуждена удалиться из центра общества на периферию – только здесь она могла жить и действовать плодотворно. Именно в таком, внешне маргинальном, но единственно достойном положении находился И.С. Тургенев, и диалог с ним был для Анненкова спасительной отдушиной. Еще одной точкой опоры служил ему либеральный «Вестник Европы» и его редакционный круг.

Что дают письма Анненкова для характеристики его отношения к журналу М.М. Стасюлевича? Именно в них Анненков мог позволить себе откровенные, неоднозначные оценки личности редактора «Вестника Европы». Он не раз указывал на дефицит художественного вкуса у Стасюлевича, вследствие чего «Вестник Европы» часто напоминал ему кладбищенскую лавочку, где продаются надгробные памятники: «есть и гении, и плачущие женщины, и воины и проч. – все это тошноватого пошиба» (II, 12). Несравненно большие симпатии, чем основная масса художественных произведений, печатавшихся в журнале, вызывала у Анненкова публицистика «Вестника

Европы». В одном из писем, относящихся к январю 1879 г., содержится весьма натуралистическая, но вместе с тем выразительная характеристика «Внутреннего обозрения» журнала, которая дает основание считать, что, на взгляд Анненкова, именно содержание этого отдела и определило лицо «Вестника Европы» (II, 100). Кстати, был случай, когда, сам того не подозревая, Анненков высоко оценил самое принципиальное для Стасюлевича публицистическое выступление – его брошюру «Черный передел реформ императора Александра II» (она вышла анонимно в Берлине в 1882 г.). Стасюлевич прямо высказался здесь за ограничение самодержавия в России. По прочтении брошюры Анненков отозвался о ней как о «замечательной», не угадав, правда, имени ее автора (II, 159). Будучи автором и требовательным «сочувственником» «Вестника Европы», Анненков продемонстрировал безусловное расположение к новому детищу Стасюлевича – газете «Порядок (она начала выходить с 1 января 1881 г. и уже в январе 1882 г. была запрещена). Публикация романа «Новь» И.С. Тургенева в «Вестнике Европы» (1877, № 1, 2) стала большим общественно-литературным событием. Спустя 15 лет автор «Отцов и детей» снова вернулся к теме радикальной молодежи в России. Суждения Анненкова в диалоге с Тургеневым по поводу этого романа несомненно важны для понимания некоторых существенных особенностей его идейной позиции во второй половине 70-х гг. Наиболее значимым является то, как сформулировал он для себя главную идею тургеневского произведения: «А основная идея его ясна – все это дикое, неумелое, почти позорное брожение есть результат невозможности существовать с абсолютизмом. Народ еще не чувствует этой невозможности, а образованный класс, начиная с гимназиста и семинариста, уже страдает акутным (резким – *лат.*) абсолютизмом, вошедшим вовнутрь. От этого противоречия весь кавардак» (II, 43). Тезис об ответственности абсолютистской власти за состояние умов молодежи весьма показателен. В начале 60-х гг. вину за появление базаровского типа Анненков возлагал исключительно на «дикое общество». Такая переадресовка могла означать только одно: Анненков становился в политическую оппозицию самодержавию.

На правах старого друга, мнением которого Тургенев чрезвычайно дорожил, Анненков настаивал на изменении финала «Нови». Речь одного из героев романа Паклина о России, которой он завершался, показалась ему неоправданно пессимистической и даже непатриотичной. «<...> Отымать от общества надежду когда-либо видеть Императора не римского пошиба, а человеческого, конституционного, смягченного, просвещенного, – писал Анненков, – значит просто понапрасну оскорблять общество, публично награждать его пощечиной, унижать его по-вельможески перед Европой, а так выходит из слов Паклина или того,

кто за ним скрывается» (II, 43). Этот пассаж должен прочитываться как еще одно свидетельство того, что Анненков изживал свой скептицизм в отношении конституционной идеи.

Критические замечания Анненкова, адресованные автору «Нови», интересны еще в одной части – там, где речь идет об общественной силе, с которой он связывал свои надежды на обновление России, «упразднение безобразников». Самый авторитетный для Тургенева читатель его романа обращал свой взгляд в сторону интеллигенции, той «безымянной Руси», которая «уже стоит на кафедрах, пишет в журналах, мечется из стороны в сторону под предостережениями, увольнениями, притеснениями» (II, 44).

Для историка русского либерализма особенно интересны наблюдения и оценки Анненкова, касавшиеся эволюции либерального западника 40-х гг. К.Д. Кавелина. Они относятся к 70-м – началу 80-х гг. Очевидное сближение Кавелина со славянофилами Анненков расценил как потерю единомышленника («не выдержал и этот»), обратившегося «к вере русских пессимистов, против которых я ратовал» (I, 245). В явно ироническом ключе писал Анненков о явлении Кавелина в «роли мистического учителя и пророка» на страницах народнической «Недели». Еще более оттолкнула Анненкова программа устройства России как «мужицкого царства», которую Кавелин предложил в статье «Крестьянский вопрос», напечатанной в № 3 «Вестника Европы» за 1881 г. (II, 136–137). Совершенно ясно, что Анненков считал недопустимым для настоящего либерала те отклонения в славянофильство и народничество одновременно, которые позволял себе Кавелин. Он уже не вспоминал об уроках В.Риля. «Пристегивание» к «теориям Руси» было ошибочным и по сути, и тем более по времени, потому что после 1 марта 1881 г. реальной становилась опасность гибели той «русской цивилизации», которая создавалась реформами 60–70-х гг. На протяжении двух пореформенных десятилетий Анненков не раз возвращался в своих мыслях к теме соотношения путей исторического развития России и Европы. Оставаясь западником, он, как и прежде, трезво оценивал социально-экономический, политический и культурный потенциал Западной Европы, прекрасно видя те проблемы, с которыми ей приходилось сталкиваться. «Мало ли что можно наговорить на Европу: это мальчик резвый, беспрестанно выделывающий разные штуки и которого по справедливости можно сечь каждый день, – писал он в 1874 г. – Но противопоставлять его жирной плаксе, которая тихо сидит там, где его посадили, и никогда не учит более того, что задано – этого не одобряю» (I, 248). Парижская коммуна, усиление социал-демократического движения в Германии указывали на первостепенную важность социального вопроса. Анненков, конечно, не мог не задумываться о возможности его решения не на путях революции, а реформы.

В начале 70-х гг. его внимание привлекли идеи «государственного социализма», получившие хождение в университетских кругах Германии, и он спешил поделиться своим открытием с Тургеневым: «Старые знаменитости экономические, профессора, толковавшие всю жизнь о Смите и проч. – признают необходимость вмешательства в обуздание капитала и в регламентацию работы, отказываясь от всех прежних догматов. Школа молодых профессоров, ими созданная, прямо говорит, что во многих случаях и Маркс, и Лассаль совершенно правы. Кто знает? Может быть, новый Бисмарк овладеет этим движением и пересоздаст экономическое положение Европы, без содействия славянофилов» (I, 201–202). Анненков, таким образом, начал размышлять над проблемой социализации либеральной доктрины. «Вестник Европы» будет активно обсуждать ее только в 80-е гг.

Анненков не склонен был преувеличивать успехи европеизации России под влиянием начавшихся преобразований. «Только странная это Европа, которая Россией зовется», – грустно замечал он в одном из писем 1874 г. (I, 233). Однако впечатления от пореформенных российских реалий все-таки менялись. Заряд исторического оптимизма он получил, посетив Всероссийскую промышленно-художественную выставку, которая открылась в Москве 20 мая 1882 г. «Из нее оказывается, – передавал он свои впечатления Тургеневу, – что вся промышленная и купеческая Россия все это время только и делала, что следила за Европой и рвалась поравняться с ней» (II, 154).

Что же дал наш анализ писем Анненкова к Тургеневу?

Друг и активнейший информатор Тургенева о том, что происходило в России, представлял собой яркую индивидуальность, для которой свобода идейного и эстетического самоопределения значили много, если не сказать – все. Но присущие мыслительно-поведенческому стилю Анненкова несвязанность «партийными» инте-

ресами, парадоксальность суждений, отстраненность от объекта оценки, постоянно сквозящая ирония, присутствие художественного момента в оценках окружавшей российской и европейской действительности имеют вполне определенное идеологическое измерение. Он нигде не выходит за пределы либерального дискурса. Анненков не был генератором идей, которые обогатили бы теоретический и политический арсенал русского либерализма, однако ему удавалось тончайшим образом улавливать и транслировать эти идеи, считая их своими. Ему было видно все несовершенство воплощения либеральных принципов в правительственной политике и общественной жизни, однако он достаточно органично существовал в обновлявшейся на его глазах ткани русской жизни.

Анненков принял реформы 1860–1870-х гг., пришел к пониманию того, что правовой порядок в России невозможен без ограничения самодержавия. Как и редакция «Вестника Европы», он представлял тот тип либерального мышления, который уже не был связан со своей первоначальной социальной основой – дворянством. Имелись и признаки того, Анненков проявлял интерес к возможностям социализации либерализма. Западничество не мешало ему критически оценивать достижения европейской цивилизации.

Напомним, наконец, что в одном из писем 1881 г. Анненков назвал себя «старым либеральным пьяницей». Шутливость этой автохарактеристики не отменяет ее безошибочности.

Примечания

- ¹ Анненков П.В. Письма к И.С.Тургеневу. Кн. 1 (1852–1874); Кн. 2 (1875–1883). СПб.: Наука, 2005. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.
- ² Мостовская Н.Н. История одной дружбы. Переписка П.В.Анненкова с И.С.Тургеневым // Там же. Кн. 1. С. 290.

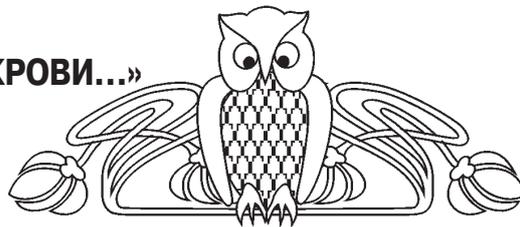
УДК 9(470–89)+929[Александр II + Александр III]

«НА НОВОМ ГОСУДАРЕ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ КРОВИ...» (отклик К. Д. Кавелина на события 1 марта 1881 года)

О.В. Кочукова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: KochukovaOV@mail.ru

В сообщении рассматривается отклик К.Д. Кавелина на события 1 марта 1881 г., не получивший известности в исторической литературе. Показаны предыстория появления «Заметок при воцарении Александра III», отношение Кавелина к деятельности М.Т. Лорис-Меликова и к движению революционного народничества.

**There Should Be no Blood on the New Sovereign...
(K.D. Kavelin's Reaction to the Events of March 1, 1881)**

O.V. Kochukova

The report focuses on K.D. Kavelin's reaction to the events of March 1, 1881, which is not thoroughly investigated in the historical literature. The report shows the prehistory of Notes at the accession of Alexander III publication, Kavelin's treatment of M.T. Loris-Melikov activities and revolutionary narodnik movement.